

Марина

СЕРОВА

Лакомый
кусочек

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

ЭКСМО

Марина С. Серова
Лакомый кусочек
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166886*

*Лакомый кусочек: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-16287-9*

Аннотация

На песенном фестивале в Тарасове убит популярный эстрадный певец. Частного детектива Татьяну Иванову просят помочь в расследовании этого дела. Но за убийством поп-звезды последовало еще несколько загадочных смертей. Татьяна понимает, что это звенья одной цепи, но подобраться к преступнику не может. И тогда она решает заманить убийцу в ловушку, приманка в которой – она сама...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марина Серова

Лакомый кусочек

Глава 1

День начался скверно. Еще вчера он обещал быть серым, дождливым – тогда я, немного расслабившись, могла бы позволить себе поваляться на кровати перед телевизором в обществе моего любимого Флетчера, однако, открыв глаза, я обнаружила, что небо, растеряв свой спокойный цвет, обрело прежний, раздражающе-синий, а на нем прочно поселилось ставшее зловредным солнце.

– О господи, – простонала я, приветствуя надоевшее светило. Ей-богу, скоро я начну завидовать жителям Мурманска, потому как у них, судя по передаваемой метеосводке, упорно держалось 13 градусов тепла. В Тарасове же, еще недавно изнывавшем от сорокаградусной жары, теперь радовались легкому похолоданию, а именно – плюс тридцати пяти.

Впрочем, причину того, что Бог нас не жалеет, я обнаружила в тех же новостях. Бог тут был вовсе ни при чем. Просто я совсем забыла про чертов фестиваль. Сейчас на моем экранчике шествовали улыбающиеся гости, коих приветствовали наши градоначальники и счастливые горожане.

Въезду в Тарасов отечественных героев поп-сцены позавидовал бы даже Господь. Этих прославленных визитеров с энтузиазмом встречали приветливые и радостные тарасовцы. Конечно, любопытно было наблюдать, как они идут, гордые и счастливые народной любовью, и я засмотрелась.

Первыми шли гранды – то есть господин Сечник. Он мило улыбался молодым гражданам нашего города, воспитанным с детских лет на его песнях. На лице его сияла столь торжественная улыбка, что можно было подумать, господин Сечник как минимум венчается на царство.

За ним в неизменной шляпе шевелила довольно полными ногами в туфлях на высоком каблуке мадам Андриевская, а далее, из-за ее плеча, выглядывал Виктор Елисеев, бережно обнимающий свою красавицу жену, известную больше тем, что она Сечникова дочь, а вовсе не ее ролями в кино.

За ними шли меньшие знаменитости, однако эти держались более заносчиво, то ли от испуга, то ли от сознания, что у них вся слава впереди. Ага, подумала я, так вот отчего у нас такая жара вновь образовалась. Значит, эти вчерашние облака никуда не ушли. Их просто расстреляли, дабы фестиваль ликовал и шумел при ясном небе, а Сечник с Елисеевым могли до посинения закупаться в нашей Волге. Мысль эта меня ужасно обидела. Во-первых, нечего им было портить воду в моей реке, а во-вторых – почему это я должна мучиться, чтобы им было хорошо?

Впрочем, зачем мне оставаться в этом городе, душном,

противном и обремененном гостями?

Эта мысль посетила меня внезапно, и я с удовольствием, можно даже сказать с наслаждением, начала смаковать ее в своем сознании.

Ведь я могу спокойно уехать к родителям в Адымчар. Деньги у меня – я проверила, посмотрев свой запасничек, – наличествуют, машина на ходу, родители не видели меня около месяца и, наверное, стали забывать, как я выгляжу. Там, в моем имении родовом, меня ожидала прохлада старого сада, пляж на волжском берегу, пение соловьев и брачные концерты лягушек. Правда, еще там были огромные адымчарские комары, но их можно было если не ликвидировать, то слегка нейтрализовать с помощью доступных средств.

Одно было вовсе замечательным – натереться небольшим количеством настойки валерианы и отпугивать этим не только случайных попутчиков, но и комаров. Интересно, подумалось мне, а нельзя ли таким образом отпугивать заодно и гостей фестиваля?

Сама не знаю, отчего они меня так раздражали. В принципе, они же не собирались вламываться в мою квартиру. А то, что они заняли улицы и сцены – ну и ладно. Ну и бог с ними.

Мой же дом пока еще был моей крепостью.

А уехав как раз на время их пребывания в Тарасове в Адымчар, я и вовсе их не буду наблюдать.

Так что я милостиво простила их за это «марсианское вторжение». Надо было подготовиться к поездке. А это зна-

чило – покупка всех необходимых мне и родителям вещей. Именно: продуктов, средств от комаров, стиральных порошков, и, как я обнаружила, у меня не было купальника!

То есть он был, но, посмотрев на него, я поняла, что он успел мне надоест.

Итак, надо было пройтись по магазинам, но это не страшно. Невзирая на жару, можно, – предвкушая будущее наслаждение, – немножко пострадать.

Я схватила сумку и двинулась в сторону имеющихся в нашем районе магазинов.

* * *

Ходила я долго. Оказывается, найти купальник, устраивающий меня по всем параметрам, очень тяжелое дело. Одни были отвратительного цвета, но моего размера, другие замечательные, но пятьдесят шестого. Сама я достаточно стройна, и мысль о том, чтобы растолстеть до этого размера, меня не вдохновила. Наконец в одном магазине я обнаружила нужную мне вещь.

Этот магазин находился уже возле набережной, и я удивилась, как это я пешком отпахала такое расстояние совершенно незаметно для себя. Вот что значит для женщины высокая цель.

Пора было возвращаться. Я купила баночку «Туборга» – могла же я позволить себе хрупкое и невинное удовольствие,

и, предвкушая приятный вечер, двинула стопы в направлении родного, милого дома.

Вот тут я и поняла, что рвать когти отсюда надо немедленно. Остаться в городе во время фестиваля значило одно – набрать запасы провизии и не высовывать носа из квартиры в течение всех пяти дней. Иначе можно оглохнуть, ослепнуть и просто сойти с ума от раздражения.

Поскольку к звездам прибавились еще и участники художественной самодеятельности, показывающие свое искусство на всех углах бедного Тарасова. В Тарасове господствовало веселье. В Тарасове, к гордости губернатора и тарасовцев, происходил фестиваль музыки. По этому поводу город был украшен разноцветными флагами, на центральной площади гремели дискотеки, где молодежь пыталась танцевать, но, так как даже там не хватало места, чтобы обеспечить столь нужный для исполнения танцевальных «па» простор, все просто уныло топталось на месте, задевая друг друга локтями и коленями.

«Бог ты мой, – вздыхала я, – может быть, я постарела. Но отчего-то мне совсем не хочется толкаться здесь под спецэффекты. Неужели мои двадцать шесть лет – это уже преклонный возраст?»

Впрочем, люди «преклонного возраста» тоже находили себе развлечения. Некоторые устраивали народные гулянья под залиvistые народные песни, несущиеся со стороны городского парка, а другие собрались перед открытой площад-

кой дворца культуры, где дарила свое искусство совершенно бесплатно (видимо, потому что никто за деньги ее бы слушать не пошел – впрочем, может, я и не права – я бы вот не стала развлекать публику бесплатно, а эта дамочка вполне могла оказаться бессребреницей) старательная ученица Софии Ротару. Так как я никогда особенно не любила украинских песен, я равнодушно прошествовала мимо.

Наверное, я была не права. «Ты просто становишься старой брюзгой, милая моя, – сурово сказала я себе, – людям весело. У людей праздник».

Но мне отчаянно хотелось тишины и покоя. Нашествие же гостей фестиваля казалось мне некоей оккупацией чужаками моего распрекрасного города. Со всех сторон на меня пялились с афиш лица, несимпатичные мне и требующие от меня гостеприимства. Почему-то это раздражало так же, как жара. Даже афиша с давно состарившимися английскими кумирами моей юности вызвала во мне только любопытство. Настолько они и, соответственно, я постарели с того светлого момента, когда семиклассница Танюша Иванова, не желающая быть послушным ребенком, млела от «Джулай монинг» и не очень любила отечественных «Самоцветов».

К собственной печали, я обнаружила, что они постарели ужасно. «Господи, ребята, – сокрушенно подумала я, – чего бы вам не приехать лет этак десять назад... Народ бы кассы снес. А вы припозднились. Вряд ли я приду в восторг, отдав требуемые сто пятьдесят за дребезжащее возлюбленное про-

изведение. Лучше кассету послушать».

К тому же первую часть их концерта заполнял собой некий попсовик с трудно произносимой фамилией и неумеренной радостью во взоре. Это было почти садизмом. Представив несчастных, с огромным трудом собравших стольнички рокеров, обреченных слушать этот «тоник в джине», мне даже стало смешно.

Нет, все-таки устроителям явно не хватало вкуса. Впрочем, я была несправедлива. Если одному человеку не хочется принимать участие в этом торжественном параде, из этого вовсе не следует, что остановиться надо всем.

Поэтому я постаралась посмотреть на эти детские радости снисходительно. Вдали виднелась гостиница «Прага». Огромное здание, похожее на квадратную ракету.

Небо за ней было серым. Слава богу, подумала я, может быть, завтра будет попрохладнее. Перед гостиницей выстроились в ряд автобусы. Конечно, это были «Икарусы». Они привезли в «Прагу» гостей. По крайней мере, хоть такая от них польза. Хоть «пражане» прибыль получают неплохую.

Единственное, что меня немного развлекло, это ребятишки, изображающие народные бои на мечях. Они были забавны и симпатичны. Остальное было скучно и в духе давно прошедших социалистических времен, от духа коих нам, наверное, никогда не избавиться...

Не знаю, как я доплелась по этакой жаре до своего оазиса с душем, но как-то у меня это получилось. Честно гово-

ря, жара, царящая в Тарасове, достала меня окончательно. В столице уже давно шли дожди, а у нас если и начинал дуть ветер, то скорее самум, и тщетно было апеллировать к Господу со своими претензиями и напоминать ему, что мы все-таки не негры и не арабы, а простые белые граждане средней полосы России, привыкшие скорее к морозам, чем к сорокаградусной жаре. У него, видимо, насчет нас были свои собственные планы.

«Сейчас мне станет легче, – сказала я себе, включив спасительную влагу, – сейчас я все забуду и отдохну». Слава богу, в морозилке лежала очаровательно запотевшая баночка «Туборга». Сегодня Танюша будет отдыхать. Танюша устала, как черт в аду, поэтому она мирно включит телевизор и предастся расслабленной неге...

Вот в этот самый момент он и позвонил. Мой треклятый телефон. Я уставилась на него с осуждением. Иногда мне хочется вообще его вырубить. Чтобы он потерял голос. Но все как-то жестокости не хватает. Нельзя же просто так угробить живое существо.

Ладно, мрачно сказала я ему, сейчас я подниму трубку. И скажу, что меня нет дома. Что я уехала лет на десять. По крайней мере до конца лета я буду отсутствовать. Я подняла трубку. Слава богу, это оказался всего лишь мой друг Андрей. Внутренний голос опасливо сказал мне, что уж наверняка он звонит не просто так. Чего ему, следователю УВД, звонить своей бывшей однокурснице без нужды? Но надеж-

да умирает последней. Может, он просто оказался рядом и хочет зайти выпить пива.

– Тань, – спросил он, – ты сейчас занята?

– Не очень, – сказала я, поверив туманной надежде.

Он облегченно вздохнул:

– Я к тебе забегу ненадолго, ты как на это смотришь?

Я сдуру посмотрела на это положительно. Впрочем, даже если бы я и посмотрела на это отрицательно, природная воспитанность, конечно, помешала бы мне ответить что-нибудь типа: «Я на это вообще не смотрю. Я смотрю в сторону холодного пива и прохладного душа, и мне совсем не хочется, чтобы ко мне приходило лицо мужского пола, ради которого я, невзирая на жару, должна переменить теперешний наряд на более приличный» (говоря по правде, мужчины – ужасные ханжи и не считают вид нагой женщины приличным). Естественно, я этого не произнесла, как бы ни хотела этого моя бедная, измученная жарой душа. Вместо этого я кротко сказала:

– Конечно, Андрей. Буду рада тебя видеть. Ведь мы с тобой лет сто не виделись.

– Буду через десять минут, – обнадежил он меня. Это значило, что душ остается мечтой, пока, увы, неосуществимой.

– Кстати, – спросил он, – ты телевизор не смотрела?

– Нет, – честно призналась я, – еще не успела его включить. А что?

– Да так, ничего... Приеду, расскажу, – пообещал он.

Естественно, Андрей собрался меня посетить не просто так. Мысль, что ему присвоили очередное звание, да еще и объявляют об этом по телевизору, явно глупа.

Заподозрив тесную связь между посещением меня Андреем и телевизором, я включила последний. Пока ничего с Андреем не связывалось. По всем каналам была рекламная пауза. На одном канале несчастный владелец огромного замка обнаруживал у себя перхоть (ах, ежели б этот замок был моим, я бы не обращала внимания на такие мелочи, но – как знать...), по другому – скакали дети в памперсах, а по третьему некая обнаженная леди весьма откровенно упивалась туалетной бумагой. Ни в одной из реклам образ доблестного Андрея не промелькнул. Я уже успокоилась, но рано. На экране появилось печальное лицо диктора (я даже перепугалась, что у нас опять заварушка началась какая-нибудь, живем-то как на вулкане!), и он сказал:

– Сегодня в Тарасове от острой сердечной недостаточности умер певец, любимый нами всеми Виктор Елисеев...

Далее пошли кадры, в которых певец давал интервью, смеялся, пел – и за всем этим грустно говорилось о том, как он был молод и талантлив, как он замечательно боролся с наркоманией, каким он был патриотом, в общем, еще минута, и я, невзирая на мою антипатию к усопшему, начала бы взахлеб рыдать.

Поэтому я даже обрадовалась звонку в дверь. Быстро накинув на себя нечто легкое, но приличное, именуемое хала-

том, я открыла дверь.

* * *

Он вошел и уселся в кресло. Судя по его многозначительному виду, мне стоило приготовиться к самому худшему. То, что он хотел мне сообщить, явно не относилось к разряду второстепенной ерунды.

– У тебя есть что-нибудь холодненькое? – спросил он. – Я уже с ума схожу от недостатка жидкости в организме.

Конечно, у меня был мой холодненький «Туборг». Будучи человеком добрым и щедрым, я ему, увы, его отдала. После чего тоскливо наблюдала, как он наслаждается. Когда мой сеанс мазохизма закончился, он спросил:

– Ты посмотрела телевизор?

– Посмотрела, – кивнула я. – Только не поняла, что я должна была там почерпнуть. Если ты хотел мне посоветовать шампунь от перхоти – так я ею не страдаю. Детей тоже пока у меня нет, а мне памперсы, боюсь, маловаты. Что же до туалетной бумаги...

– Господи, – прервал он меня, поморщившись, – я тебя про Елисеева спрашиваю...

– Ах, вот ты про что, – состроила я невинную рожу, – ты его любил? Или он был твоим родственником? Почему я так срочно должна была узнать о его смерти?

Он вскочил и начал расхаживать по комнате. Когда по

твоей комнате нервно расхаживает существо почти двухметрового роста, начинаешь чувствовать дискомфорт.

– Такое ощущение, что я в саваннах, по которым разгуливает жираф, – кашлянув, изрекла я.

«Жираф» фыркнул, достал какой-то лист бумаги и положил его передо мной, сурово предупредив, что «я ничего не видела, он мне ничего не показывал». Я держала перед собой «Протокол вскрытия гр. Елисеева Виктора Андреевича», в котором сообщалось, что покойник страдал «гипертрофической кардиомиопатией» и «спленомегалией». Выбравшись из дебрей медицински-устрашающих терминов, я поняла, что причиной этого безобразия было «острое отравление наркосодержащим веществом».

Певец помер от того, что чуть-чуть побольше, чем следовало, увлекся наркотиками.

– Ну и что? – вернула я сей замечательный лист владельцу. – Я тут при чем?

– Понимаешь, Тань, мне кажется, что он сделал это не сам. Ему помогли.

– Я его не убивала, – призналась я, – не спорю, были у меня такие мысли, когда он уж больно часто ныл по радио, но я, честное слово, этого не делала. Хотя алиби у меня нет.

– Тань, – вздохнул Андрей просяще, – ты серьезной можешь быть? А?

– Я сама серьезность, – кивнула я, – излагай свои проблемы.

– Я вляпался, и вытащить можешь только ты, – сообщил он.

– То есть это ты с ним расправился, – понимающе протянула я, – если тебе нужно алиби, я пожертвую девичьей честью – скажу, что ты был со мной в это время. Чего не сделаешь для старого друга...

– Таня! – закричал он. – Я же просил тебя побыть серьезной!

– Я изо всех сил стараюсь. Просто не могу понять – ну обкололся один из гостей фестиваля, и что? Нет, я понимаю – решили выпендриться, провести этот громоздкий фестиваль, чтоб вся Россия знала, что у нас за культурный оазис Тарасов, и в этакий прекрасный момент этот попсовик наносит сокрушительный удар... Но все ж спокойно. Официально-то, я так понимаю, он умер невинно? В чем твои проблемы? И чем я тебе могу помочь?

– А вот в чем проблема, – успокоился наконец Андрей, – наверху мне так и сказали – «дело» закрывай, умер естественной смертью, разве что пива перепил и неразумно решил поспать в ванне... Человек-то был заядлым борцом с наркотой – концерты агитационные проводил, даже постоянно ездил на гастроли в главный очаг наркобизнеса – Таджикистан, вроде пытался наставить их на путь истинный... Как ты понимаешь, мне было предложено это все в самой суровой форме. Будешь, мол, копать – погон лишишься.

– Ну и не копайся, – разумно посоветовала я. – Умер он

себе и умер. Пусть умрет, как начальству хочется...

– Сегодня утром я так и думал. До того, как пришел он. Андрей замолчал.

Конечно, неловко было нарушать его задумчивость. Сидит себе человек и думает о чем-то значительном. Какое ему до меня, мелкой и скучной, дело. Но пришел-то он именно ко мне. И по делу. Поэтому я рискнула кашлянуть, попытавшись таким образом напомнить о себе. Он испуганно посмотрел на меня:

– Ты не простудилась?

Он просто потряс меня своей заботливостью.

– Нет, – вежливо улыбнулась я, – просто интересно все-таки узнать имя твоего гостя.

– Ах да, – вспомнил он, – так вот, пришел этот самый Игорь Сергеевич Сечник.

– Зачем же тебя посетил сей славный автор и исполнитель патриотической и любовной лирики? – искренне удивилась я. – Хотел пригласить тебя на концерт?

– Господи, ну опять... – недовольно поморщился он. – Конечно, не за этим. Просто этот Елисеев, оказывается, муж его дочери. И он вроде как очень хотел бы узнать истинное положение вещей. Что там в этой ванне произошло на самом деле. Он отчего-то не верит в трагическую случайность.

– Я тоже не верю, но мне все равно, – честно призналась я, – а как там, кстати, наша жена?

– Какая наша жена? – переспросил он недоуменно.

– Ну, елисейская... Вдова усопшего, так сказать.

– А-а, отечественная супермодель, – лениво сказал он.

Как будто только и делал, что крутился вокруг этих моделей. С одной стороны – Наоми Кемпбелл, с другой – Клаудия Шиффер... А бедный Андрейка между ними. – Ну, она снимается. Довольно часто мелькает на тусовках. Пыталась петь, но чего-то у нее не заладилось.

– Ясно, – пришла я в восторг от навязываемой мне Андреем компании, – и при чем тут я? Петь ее научить я не смогу. Сама не умею. Могу только посоветовать воспринимать смерть Елисея как избавление.

– У меня, в общем-то, сложилось такое впечатление, что она именно так это и воспринимает...

Конечно, на самом интересном месте он замолчал. Молчал он минуты две. Выразительно и интригующе. Ему бы заняться на досуге писательством. Или в актеры податься.

– Таня, – наконец открыл он рот, – не могла бы ты заняться этим делом?

Я хмыкнула. Конечно. Мне терять нечего, разве что с трудом приобретенную лицензию.

– Во-первых, – вкрадчиво начала я, – разве ты не знаешь, что я должна заниматься исключительно розыском пропавших мужей и жен и что мне запрещено совать свой носик в дела государственной важности? Но даже предположим, что я из врожденной склонности к авантюризму на это решусь, я ж, ангел мой, не собираюсь становиться филантропкой ра-

ди такой неприятной личности, как твой Елисеев. Кто мне платить-то будет? Ты из своей нищенской зарплаты?

– Заказчик есть, – сурово кивнул он, отчего у меня даже мелькнуло подозрение, не хотят ли меня использовать как киллера. Сразу глазам моим предстал сериал «Ее звали Таня», где меня учили разным полезным в наше беспокойное время вещам, впрочем, я отвергла эту мысль. Тут и с моей работой сложностей в жизни хватает, а уж киллерство вообще слишком хлопотное дело.

– Так вот, есть человек, который хочет найти виновного в елисеевской смерти.

– Ну, если ему этого так хочется, пускай ищет, – разрешила я.

– Как ты не понимаешь? – вытаращил Андрей на меня глаза. – Он же не сыщик.

– Дурное дело нехитрое, научится, – меланхолично ответила я.

Надо же, какие гости шебутные. Не успели приехать – уже обагрили мой невинный Тарасов кровью.

– Танюша, послушай, – взмолился Андрей.

– Слушаю, – сказала я, – но не повинуюсь. Поскольку последнее время неудачи в личной жизни привели мою мирную натуру к некоторым феминистским наклонностям. Так что там с этими уголовными элементами, явившимися специально, чтобы разрушить покой нашего славного городка?

– В общем, есть человек, которого версия естественной

смерти от острой сердечной недостаточности не устроила. Он угрожает скандалом и требует расследования. Так что мы сначала растерялись, поскольку скандал нам никак не нужен, а потом вспомнили...

Он попытался принять восхищенно-просительное выражение. Я поняла.

– Вспомнили, что есть такая дуреха, – ехидно сообщила я, – зовут ее Танюха, и вечно она на собственную задницу ищет приключений.

– Нет, – возразил он, – что есть Танечка, умница и талант, и ей это дело распутать раз плюнуть.

– Угу, – согласилась я, – только здесь ждал вас облом. Танечка-умница собирается съехать, освободив место под солнцем Тарасова кому-нибудь из приехавших звезд. Танечка собралась передохнуть в районе Волги, и никто ее не остановит. Даже если ты пришлешь наряд милиции.

– Таня! – протянул он умоляюще.

– Да, – оставалась я непреклонной, – в своем эгоистическом стремлении отдохнуть я прорвусь через любые преграды. Даже если придется отбиваться с помощью оружия. Иначе моя психика не выдержит ни этой жары, ни того, что под моими окнами в течение недели кто-то будет распевать песни и плясать народные пляски. Хочу тишины и покоя, а если я этого хочу, я этого добьюсь.

– Он заплатит тебе даже больше, чем ты обычно получаешь.

Бог ты мой, меня, оказывается, решили облагодетельствовать! Вот спасибо-то...

– А почему он считает, что в смерти гр. Елисеева виноват не сам гр. Елисеев? – поинтересовалась я. – Что, есть что-нибудь, наводящее на такие печальные подозрения?

– Поговори с ним сама, – посоветовал мне Андрей, – он тебе все сам расскажет... Только помни – он опасная личность. Влиятельная и очень опасная...

Я вроде бы еще не соглашалась, а он уже говорит о моем клиенте, как будто это само собой разумеется!

– Я подумаю, – попыталась отвязаться я, – и позвоню тебе...

– Таня, – посмотрел он мне прямо в глаза, – как ты ко мне относишься?

Я вздохнула. Я к нему более чем хорошо относилась.

– Тогда выручи меня, а? У меня с одной стороны – угроза от начальства, с другой – этот «туз», который отчего-то прицепился к елисеевской смерти... Он согласен платить тебе не двести долларов в сутки, а триста... Тань, ну пожалуйста!

Он явно был уверен в успехе. Потому что, несмотря на мое молчание, воскликнул «ура» и сообщил, что клиент придет ко мне сегодня, где-то около семи часов вечера, пообещал во всем помогать мне и, послав воздушный поцелуй, растаял в дверях, оставив меня в некоторой растерянности. Честно говоря, я совершенно не помнила, когда я согласилась вляпаться в это дело. И мне совсем не хотелось общать-

ся и работать с загадочным «клиентом». Внутренний голос был отчего-то негативно настроен к этому незнакомцу. Однако обстоятельства были явно сильнее меня.

Глава 2

Оставшееся время я провела в напряжении. Попытка расслабиться с помощью душа и телевизора ни к чему не привела. По телевизору мне постоянно напоминали о покойном Елисееве. Я успела выяснить, что Елисеев был уроженцем Тарасовской области, что здесь живет его сестрица (ее даже показали по телевизору, признаться, она была совсем не в моем вкусе), зато у Елисеева была очень красивая жена. Всех их показывали в момент «безутешности», а потом быстро переключались на самого Елисеева, который что-то исполнял, а от природы он, видно, не был склонен к глубокомыслию, печальных песен у него оказалось всего четыре, кои теперь и крутили не переставая.

Особенно усердно передавали песнь об обколвшемся мальчугане, умершем от адского зелья в самом расцвете сил. Еще я с огромным удивлением узнала, что сам Елисеев парнишкой и мальчуганом не был уже лет двадцать – несмотря на внешность мальчика, ему было сорок лет. Этаким Питер Пэн отечественной попсы. Потом трогательный рассказ о певце сменился на бодрые и яркие краски, теперь на экране мелькали собратья Елисеева по разуму, кои съехались в Тарасов на трижды проклятый фестиваль. Это навело меня на мысль, что на пляж лучше не ходить – он просто завален знаменитостями, оплакивающими кончину своего собрата.

В этот самый момент в мою дверь позвонили. И я увидела на пороге одну из этих знаменитостей.

* * *

Знаменитость взирала на меня с явным ожиданием удивления и восхищения. Ну, естественно, я, как все граждане этой страны моего возраста, рождалась под звуки его бодрого голоса, несущегося из всех радиоприемников. То ли у меня остались не самые приятные воспоминания о моем появлении на свет, то ли я никогда не отличалась любовью к отечественной громогласной эстраде, но я смогла изобразить на своем лице только удивление. Он зычно пророкотал:

– Ну, вот и я, а вы, стало быть, Танечка?

И, так и не обнаружив подобострастного сияния на моем лице, прошествовал уже несколько обиженно в комнату.

В комнате он вежливо поинтересовался, куда он может пристроить свой царственный организм, и, усевшись в ранее освоенное Андреем кресло, начал с места в карьер:

– Надеюсь, Танюша, Андрей Николаевич передал вам мою нижайшую просьбу? – Я кивнула. Видимо, мое согласие было для него фактом само собой разумеющимся, и он продолжил:

– Ситуация в общих чертах вам ясна.

Ну, я бы не спешила говорить, что мне ясна ситуация. И рискнула возразить августейшей особе:

– Только отчасти. Я знаю, что Елисеев умер и что вы не хотите согласиться с официальной версией.

Он кивнул:

– Вот именно, поэтому я здесь. Ну, во-первых, давайте все-таки познакомимся – нам с вами придется сотрудничать. Я вас уже знаю, вы – Танечка, Андрей Николаевич очень высокого мнения о вас.

Ну конечно. Еще бы Андрей Николаевич отрекламировал меня иначе.

Он кокетливо продолжил:

– Меня зовут Игорь. Игорь Сергеевич Сечник. Я, как вам должно быть известно, старший коллега Вити Елисеева. Его учитель и... В общем, моя дочь Вика – его жена... пардон, вдова... Поэтому мой интерес к делу вполне теперь для вас объясним, не так ли?

Я кивнула. Хотя, честно говоря, было не совсем понятно, как у такого страшилища могла уродиться такая красивая дочь.

– Предположим, что да, – сказала я, – но мне немного непонятно, почему вы подозреваете, что Елисеев умер не сам?

– Давайте поступим с вами так: мы просто займемся этим делом и выясним, умер ли он естественной смертью или ему помогли это сделать... Вот, собственно, в этом и заключается мое предложение.

Он говорил со мной как с маленькой ученицей. Меня это

несколько раздражало, но странным образом этот властный голос действовал на меня.

Так, наверное, на кроликов действуют удавы.

– Хорошо, – сделала я попытку вырваться, – но как я могу это сделать? Для того, чтобы хоть что-то раскопать, мне надо войти внутрь той сферы, где вращался Елисейев. А я, признаться, далека от этого вашего карнавального мира.

– Я все продумал, – ответил он, – если вы соглашаетесь, то я устраиваю вас пресс-секретарем моей дочери. Работа, честное слово, несложная – вы, Танечка, справитесь. Ну, и будете вполне близко от нашего, как вы изволили выразиться, «карнавального» мира. Естественно, получать вы будете не двести, а триста долларов в сутки.

Он ждал ответа. Я знала – мне некуда деться. Андрюшку подводить не хотелось. Кроме того, моя авантюрная планида требовала от меня согласия. Оказаться в серпентарии – экая удача для любопытного существа! Поэтому я посмотрела на Игоря Сергеевича и кивнула.

– Хорошо, – успокоился он, – раз вы согласились, открою вам еще одну причину, почему я не верю, что смерть была случайной, и почему мне хотелось бы найти убийцу.

Он встал с кресла и подошел к окну, некоторое время рассматривал пейзаж за ним и, резко повернувшись, спросил:

– Вы, Танечка, когда-нибудь давали в долг огромные деньги?

Я отрицательно покачала головой. Думаю, что таких де-

нег, как у моего клиента, у меня никогда не было.

– Так вот, – продолжал он, – я имел глупость помочь Виктору в одном деле. Он остался мне должен – уж поверьте мне, девочка, – такую большую сумму, что даже Рокфеллеру показалось бы, что я сгруппил. Все бы ладно – в конце концов, муж моей дочери, родственник и так далее. Можно отнестись с пониманием, правда? Даже поверить, что он мне не может вернуть долг, хотя и покупает себе дорогие игрушки – последнее приобретение переполнило чашу моего терпения. Он взял и купил в вашем городе ночной клуб с казино. Вот тут и начинаются поразительные вещи. Честно говоря, сначала я был спокоен – в конце концов, он заверил меня, что казино принадлежит и Вике, что оно дает огромные прибыли, даже предложил передать казино в мои руки. Как бы в счет долга. Я, Танечка, человек пожилой, мне такими делами заниматься не к лицу, я только просил его отдать эти права Виктории... Он был согласен. Незадолго перед смертью они поссорились. В чем там причина – пусть вам расскажет сама Вика, если захочет. Только вот в этот момент он решил посетить нотариуса. Что уж он там делал – я затрудняюсь вам сказать, это тоже придется выяснить. Хотя бы попытаться. – Он замолчал. Видимо, устал говорить. Потом продолжил:

– То, что он не покончил с собой, – это абсолютно точно. Виктор просто был не способен на такой подвиг. Слишком любил свою особу. То, что произошла ошибка с дозой – в это я не верю. Кто-то помог ему отправиться на тот свет. И этот

«кто-то», чуется мое сердце, связан именно с этим казино.

Он вздохнул. Вздох его как бы вместил в себя всю печаль за алчное человечество, не желающее понять, что только такие избранные Богом люди, как он, имеют право быть самыми богатыми. А про его богатство ходили легенды... Про моего гостя можно было вообще слагать легенды. Все, например, подозревали, что его крезовское богатство добыто совсем не исполнением песен, отвечающих вкусам высокопоставленных особ. Но не зря, видно, в нашем обществе прижилась поговорка «деньги не пахнут», поэтому его везде встречали с распростертыми объятиями, улыбаясь и троекратно лобызая его далеко не самое приятное на свете лицо.

Он был неотъемлемым атрибутом всех официозных концертов. Так что можно было простить, что в данный момент он явно перепутал мое кресло с Олимпом. И что по большому счету ему глубоко наплевать, что я не испытываю к нему симпатии. Его положение позволяло ему быть нелюбимым.

Впрочем, может быть, я была не совсем справедлива к нему.

В конце концов – каждый выживает как умеет. Вполне симпатичный дядька с интеллигентными манерами.

– Естественно, Таня, от вас потребуются некоторые актерские способности. Кроме того, мир шоу-бизнеса немного странен и непонятен. Так что прибавьте к актерским качествам еще и невозмутимость – что бы ни услышали и что бы вы ни увидели.

– Да, я вас поняла, – сказала я. – Не знаю, получится ли у меня раскопать этот ваш скелет в шкафу, но... По крайней мере, приключение обещает быть занятным.

Он усмехнулся.

– Вот-вот. Именно приключение. Никто ничего не заподозрит – на мою дочь пресса обрушилась как стая стервятников. Так что тот факт, что я нанял человека, который будет оберегать ее от ненужного общения, вполне закономерен.

«Да уж, – подумала я, – если только мне не повстречается кто-то из тех, кто знает, чем я занята на самом деле».

Впрочем, их это тоже не очень удивит.

– Итак, – сказал он, – я жду вас завтра, в девять утра, в вестибюле гостиницы «Прага». Там я представлю вас Вике, а она поможет вам познакомиться с остальными.

Он поднялся. Весь его вид говорил: «Вопросов больше нет?» У меня были вопросы, но он не мог пока дать на них ответ. Он попрощался именно так, как я ожидала – поцеловав мне галантно руку, – и вышел.

Все происходящее со мной казалось мне непонятным сном. Я еще находилась в самом его начале – когда не знаешь, то ли это сказка, то ли – кошмар.

* * *

Итак, пока я напоминала себе слепого котенка, выброшенного в жестокий мир. Честно говоря, картина была до то-

го туманной, что кружилась голова от усилий связать концы ниток, дабы они приняли очертания хоть какого-то рисунка.

Пока в наличии был один покойный певец, которого я, к слову сказать, не переносила при его жизни, о котором я знала только, что существуют три версии его смерти, что данный певец боролся с наркоманией, при этом любил ширнуться и сам, и, видимо, подрабатывал доставкой бесценного продукта из Таджикистана в Россию, что его жена – дочь воротилы шоу– и еще какого-то не очень легального бизнеса, и, вполне вероятно, их бизнес был семейным... Ах да, еще у него была сестра, и он был владельцем крупнейшего в Тарасове найт-клуба... где, к слову сказать, собирались такие братки и прочие красавчики, что не дай бог там потусоваться простой смертной вроде меня.

Ну что ж, Танюша, сказала я себе нарочито бодро, посмотрим, что это за штука – красивая жизнь. В конце концов, даст бог – прорвемся. Хотя мне не очень хотелось окунаться в водоворот светской жизни. Впрочем, склонность к авантюризму вела меня вперед. Да и, если честно, внутри меня сидел любопытный чертенок, и он совершенно не хотел останавливаться.

Ну и что, что это дело пахнет опасностью? Зато это вам не разыскивать скучного вора производственных секретов у скучного бизнесмена. Шоу-бизнес, конечно, вещь неприятная и скользкая – все они похожи на разряженных и раскрашенных марионеток, но там такие восхитительные дебри,

что дух захватывает, как на американских горках...

Для очистки совести я обратилась к гаданию. Не пугайтесь, я не достала карты Таро – у меня от пользования ими как-то раз так пошатнулось здоровье, что я раз и навсегда отказалась от общения с ними. Есть другой интересный и куда более безвредный способ посоветоваться с таинственной силой подсознания – именно магические числа. Голова от них не болит, бесы не нападают, а советы они способны дать потрясающие. Кроме того, моя романтическая натура вполне была довольна их сходством со скандинавскими рунами. Итак, я, взяв в ладони магические кости, мысленно спросила их, стоит ли мне лезть в это дело и смогу ли я с достоинством вылезти из него.

Вышли цифры «3-21-25».

«Вы займетесь благородной работой, незаметной для окружающих». Ну что ж. Настоящие герои всегда обречены на безвестность. Впрочем, существует поговорка «Риск – благородное дело», и именно она отчего-то мне вспомнилась. Значит, риск будет моим спутником. Ну и хорошо. Риска я не боялась. Иначе мне нечего было бы делать в моей профессии. В конце концов, моя любимая поговорка: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское». Если бы я была нормальной, я бы тихо сидела в качестве адвоката в какой-нибудь конторе, и жизнь моя сводилась бы к разрешению конфликтов между мужьями и женами.

Я же умерла бы там от тоски на второй день. Итак, я ре-

шила на полную отдачу волнам шоу-бизнеса. В конце концов, мое любопытство будет удовлетворено. И... если такая жадина, как Сечник, способен выложить такие деньжищи, значит, дело того стоит. Значит, оно действительно весьма интересно.

Без пятнадцати девять я, одетая в строгий деловой костюм серого цвета, выгодно подчеркивающий достоинства моей стройной фигуры, стояла в вестибюле гостиницы «Прага» и радовалась тому, что жара наконец-то спала и небо потеряло свой отвратительный голубой цвет.

В холле пока было тихо – видимо, звезды высыпались после бурных ночных репетиций, я была почти одна, не считая горничной и электрика, который заменял лампочку за стойкой портье. Без пяти девять кроме меня в холле появились те самые представители прессы, от которых я должна была оберегать вдову Елисеева. Одна из них обратила на себя мое внимание тем, что я бы посоветовала ей срочно выйти замуж за владельца замка из рекламы – на ее черной майке было столько перхоти, что они смогли бы понять друг друга. Все ждали явления сенсаций, терпеливо вглядываясь в проходящих постояльцев, которые начали медленное движение к дверям, но сегодня у них не задалась охота.

Мои раздумья прервало мягкое прикосновение чьей-то руки к моему плечу. Я обернулась. Передо мной стоял огромный, коротко стриженный юноша.

– Вы – Таня? – спросил он меня. Я кивнула.

– Пойдемте, – сказал он. И, не дожидаясь моего ответа, пошел к лифту.

Естественно, я была вынуждена пойти за ним.

Все мои попытки спросить его о чем-либо разбивались о мощную спину. Он вежливо улыбался и молчал. Было даже не по себе – а вдруг сей молчаливый юноша везет меня на заклание?

Лифт остановился. Я вышла вслед за своим провожатым. Он прошел к двери в люксовый номер, открыл ее, коротко кивнул кому-то и жестом пригласил меня войти.

* * *

– Спасибо, Леша, – услышала я мягкий голос и, подняв глаза, увидела перед собой Викторию. В жизни она была даже красивее, чем на экране. Тонкие черты лица, огромные, выразительные глаза изумрудного цвета и черные как смоль волосы. Кожа была ровного, матового оттенка, а ноги отличались исключительной правильностью формы.

– Здравствуйте, Таня, – молвила сия красавица и поднялась из кресла с изяществом королевы, протянув руку. – Я Виктория.

Я кивнула и улыбнулась, отдавая себе отчет, что, хоть я тоже обладаю замечательной улыбкой, моя все-таки померкла рядом с ее. Виктория вообще относилась к тому типу женщин, рядом с которыми не рекомендуется находиться про-

стым смертным. Оставалось только гадать, как такой красавице жилось рядом с двумя такими чудовищами.

– Папа сказал мне, что вы будете как бы моим секретарем, но я понимаю, что вы здесь не за этим, не так ли?

– Да, – согласилась я, – честно говоря, я слабо представляю, что должен делать пресс-секретарь.

Она тихо рассмеялась:

– Хотите немного «Кампари», Танюша? – и, протянув мне бокал с жидкостью красного цвета, довольно приятно пахнущей, продолжала:

– Пресс-секретарь обычно отвечает на вопросы, на которые у меня нет желания отвечать. Признаться, такое случается со мной постоянно.

Она глотнула из своего бокала, и меня поразило, что Виктория пьет слишком привычно. Значит, жизнь красавицы с чудовищами была не самой сладкой.

Словно в подтверждение моей догадки, она сказала:

– Вообще, Таня, мы ведь с вами ровесницы... Считайте, что папа нанял вас как подругу своей дочери, у которой, к слову сказать, последняя подруга была лет десять назад... Я даже не знаю, о чем говорят с подругами и... Надеюсь, впрочем, что это не тот треп, который я слышу от папиных и Витькиных коллег...

Она прервалась и посмотрела мне в глаза.

– Впрочем, вы ведь здесь не для того, чтобы слушать мои причитания... И я пока не могу быть вашей подругой – ведь

я тоже подозреваемая... Так что спрашивайте – я постараюсь вам отвечать объективно...

– Хорошо, – кивнула я. Она мне нравилась. Даже если это она убила Елисеева. А может, если это сделала она, моя симпатия к ней даже возрастет.

– Почему ваш отец так уверен, что Елисеев умер не своей смертью?

Она задумалась.

– Потому что он его хорошо знал. Витька слишком был влюблен в собственную персону. Он мог поугасть – слегка, вот какой я несчастный, кончу на ваших глазах жизнь самоубийством, но дальше слов у него не шло... Относительно передозировки – упаси Господи. Он бы никогда не ошибся. Так что ему явно помогли. И это был человек, которого он хорошо знал и которому он верил. Таких людей было немного. Так что круг ваших поисков достаточно узок.

Это было приятно. Но не настолько, чтобы запрыгать от радости.

– И кто в этом списке первый? – поинтересовалась я.

– Конечно, я, – она подняла на меня свои прекрасные глаза. – И причин у меня было достаточно. Одна из причин – то, что он начал колотиться. Вторая – в его компании стали появляться несовершеннолетние мальчишки. Он входил в группу риска, а перспектива заразиться СПИДом меня не радовала. Так что я вполне могла его убить.

– Когда он сел на иглу?

– Когда решил стать самым богатым в мире и понял, что этот путь пролегает через Таджикистан.

Я не поняла этой связи, но Виктория пояснила:

– В Таджикистане один килограмм героина стоит семь тысяч баксов. А в Москве – 170 тысяч долларов. Понятна арифметика?

Я кивнула. Чего уж не понимать. Заработать с каждого грамма 160 долларов – это вам не искать убийцу Елисеева за триста в сутки, ног под собой не чуя. Жаль, что у меня нет никакого желания стать наркодилером.

– Сначала он держался. Потом начал тихо пробовать. Потом это перешло в привычку. Было даже смешно смотреть, как он агитирует молодое поколение выбрать здоровый образ жизни... Потом из-за него начали коситься на отца: якобы он – глава наркомафии и Витька просто в семейном бизнесе... Его предупредили. Вроде стал потише, потом купил казино. Недостающие деньги взял взаймы у отца, пообещав, что, если не отдаст сразу, казино отпишет мне. Хотя мне оно, честно говоря, совсем ни к чему. Отец – да, у него мечта создать сеть найт-клубов и ресторанов. А я по натуре вовсе не деловая женщина. Правда, играть мне нравится.

– Ну хорошо, – кивнула я, – первая – вы. Второй, как я поняла, ваш отец.

– Нет, – она покачала головой, – если бы это был мой отец, он был бы сейчас спокоен как танк. Его больше всего волнует, что казино не его. Оказалось, что Витька его кому-то

продал за символическую плату. И вот этот кто-то пока не объявляется. И явно связан с убийством.

Да уж. В недобрый час явился Андрюшенька ко мне. Найти убийцу было нелегким делом. Тем более что власти, которые закрыли дело, я понять могла: вложить огромные деньги в чертов фестиваль и облажаться они не хотели. Одно дело когда участник оного умирает сам – можно устроить день траура, концерт его памяти, но фестиваль не закроют. Другое дело – убийство. Это уже скандал. До меня дошло, что убийца-то все это просчитал. Умный очень. Знал, что рискует он минимально. Все бы сошло ему с рук, если б не горячее желание Игоря Сергеевича вернуть себе казино или деньги.

Звонок по телефону прервал наш разговор. Виктория коротко ответила звонившему:

– Да, мы придем. Да, через десять минут. Хорошо.

И посмотрела на меня:

– Ну вот, Таня, надеюсь, вы готовы вступить в водоворот жизни людей, относящих себя к элите общества... Хотя, – хмыкнула она, – не знаю, с чего им это примерещилось... Нас пригласила на чашку кофе сама королева.

Она нажала на кнопку, в комнате как тень возник немногословный Леша. В его сопровождении мы вышли из номера.

* * *

Пока мы шли, я думала, что Елисей был далеко не по-

дарком, а его убийца находится совсем рядом. Апартаменты королевы находились рядом, поэтому добрались мы до них быстро и без особых приключений. По дороге нам встретилась только женщина лет сорока, косящая под девочку, в которой я узнала рекламируемую по телевидению восходящую звезду, одну из этих странных созданий с писклявыми головами и глупыми физиономиями. Она кивнула Виктории, и, к собственному удивлению, я обнаружила, что в жизни у нее не такая глупая рожица, как на экране. Более того, она была довольно симпатичной, с проблесками разума в глазах – видимо, косить под недоумков было правилом здешней игры.

Королевой оказалась известная певица, потрясающая всех то своими выходками, то своей простотой – она бросилась к Виктории с распростертыми объятиями и начала ее утешать, говоря, как ей больно, ведь потеря Вити это такое горе для всех... Через плечо королевы я увидела смеющиеся Викины глаза, а сама королева быстро вытерла скупые слезы и начала, улыбаясь, рассказывать, как они неплохо почумились с каким-то неизвестным мне Серегой в Майами. Наконец ее величество обратило свой взор на «народ» (то есть на меня), протянув руку, изобразила на своем лице приветливую и обаятельную улыбку и молвила:

- Меня зовут Ирина Леонидовна, а вас?
- Таня, – отрекомендовалась я, а Виктория добавила:
- Это моя подруга и пресс-секретарь.
- Господи, – вспомнила королева внезапно о кончине

Елисеева, – все-таки какая несправедливость, такой молодой и – острая сердечная недостаточность! Да, изнашивает сцена людей, ох как изнашивает...

Она опять приложила к глазам кружевной платочек.

Наконец мы дождались кофе, я уже проклинала безнадежно потерянное время, потому что сорок минут певица посвятила утешению отнюдь не рыдающей Викторией и воспоминаниям о румяно-приглаженном, лубочном Елисееве... Вдруг она пригнулась к уху Викторией и тихо спросила (слава богу, у меня острый слух и я слышала):

– А что с казино? Еще не известно ничего про нового владельца?

Виктория покачала головой.

– Это Галька, – уверенно сказала певица. – Вот помни мое слово, Вика, это он Гальке его отдал. Кстати, знаешь, что Галька здесь?

Виктория кивнула.

– Да не в Тарасове, а в гостинице. Я ее видела.

– Ну и что? – удивилась Виктория. – У нее же здесь полно подружек.

– Может, дружков? – ехидно спросила королева. – Но клуб он Гальке отдал. Чтобы тебе насолить. И Игорю.

– Галина, по-моему, тут ни при чем, – сказала Виктория. – Во всяком случае, она вряд ли знала, что казино он хочет продать. Она про его проблемы с деньгами ничего не знала.

Честное слово, меня немного напрягало то, что короле-

ва явно не считает меня за человека. А уж когда она повернула ко мне царственный лик и молвила: «Деточка, налейте нам еще капуччино», – мне захотелось этот капуччино вылить ей на голову. Самой себе я показалась чем-то вроде сенной девушки, – у барыни на посылках. Впрочем, меня жутко заинтересовала эта всплывшая в рассказе старой сплетницы Галька. Скорее всего, это была сестра Елисеева, про которую мне говорил Игорь Сергеевич. Впрочем, может статься, так звали и любовницу Елисеева. Хотя, судя по подозрению Вики, его любовницы носили суровые мужские имена.

За моими размышлениями я, к ужасу своему, обнаружила, что потеряла нить разговора. Впрочем, они опять начали обсуждение общих знакомых, и ничего для себя интересного я вынести уже не могла. Я наклонилась к Вике и тихо сказала:

– Извините, Вика, я, наверное, пойду осмотрюсь. Встретимся через час, хорошо?

Мой демонстративный шепот был справедливо расценен королевой как месть. Ну что ж, если подумать, она тоже мстила мне за то, что я не застыла в восхищении, увидев ее. Вика меня поняла, коротко кивнула, и я вышла на свободу.

* * *

Гостиница ожила. Повсюду сновали заспанные звезды, некоторые собирались на пляж, некоторые лениво прогули-

вались по холлу в ожидании поклонниц и цветов. Иногда им везло, и к ним бросались накрашенные девицы неопределенного возраста, с визгами радости протягивали им фотографии, на коих просили расписаться. Звезды делали вид, что им это не больно-то интересно, хотя на самом деле им явно было в кайф смотреть, как глупые девицы целуют их автографы и прячут на груди. Кого-то залавливали акулы пера, правда, моя дама с перхотью явно скучала. Ее клиент отсутствовал. Посмотрев на это, я решила выпить натурального, нормального кофе в баре, поскольку я терпеть не могу капучино, и Викин «Кампари» тоже лег на мой желудок непомерным грузом.

В спокойном полумраке бара мне стало полегче. Я взяла кофе, приземлилась за столик в самом углу и начала решать, что буду делать дальше. Ну, первым пунктом надо было выяснить у Вики все о таинственной Гальке. Во-вторых, царственная особа помешала продолжению нашего разговора о елисеевских приближенных. В-третьих... А я не знала еще, что в-третьих. Пока мне хватало двух пунктов.

Обычный черный кофе после капучино казался подарком судьбы. Пустота в баре тоже. Я поняла, за что Игорь Сергеевич решил мне приплачивать – за вредность. Потому что я находилась здесь всего два часа с небольшим, а меня уже начало тошнить.

– Извините, у вас свободно? – услышала я у себя над ухом и, обернувшись, увидела Его. Самого очаровательного юно-

шу, какого доводилось когда-либо видеть. По счастью, он был мне совершенно незнаком, значит, на экране он мельтешил нечасто, если вообще там показывался. Скорее всего, он вообще не относился к этой тусовке. Улыбка у него была насмешливая и мягкая, глаза серые, а волосы светло-русые. Короче, он был воплощением Мечты.

Я кивнула. Если бы даже было занято, я бы выгнала своего соседа, дабы это Чудо оказалось рядом со мной.

– Спасибо, – поблагодарил он меня, садясь рядом. – Меня зовут Александром, я никоим образом не отношусь к шоу-бизнесу, хотя и присутствую здесь, вы мне очень нравитесь, и я бы хотел узнать: кто вы, прекрасная незнакомка? Надеюсь, вы не из этих глупеньких певичек?

– Нет, – рассмеялась я, – я пресс-секретарь Вики Елисейвой, и зовут меня Таней.

– А-а, – протянул он, – вы – почти член могущественного клана Сечник – Елисейвых... Это пугает. Но совсем чуть-чуть. Не настолько, чтобы удрать от вас.

– А вы тут как оказались? – спросила я.

– Я сопровождаю одну жутко тщеславную молодую особу, корчащую из себя звезду, – засмеялся он. – Оберегаю девочку от нескромных приставаний. Так что мы с вами почти коллеги.

– А что ж вы сейчас ее бросили? – спросила я.

– Знаете, – грустно усмехнулся он, – ее оберегать не надо. Она обычно сама пристаёт к кому-нибудь. Моя задача

скорее ухватить понравившегося ей джентльмена за штаны и держать, пока он, бедный, не смирится с мыслью, что отныне он на час-другой принадлежит моей подопечной.

– Так вы что-то вроде гувернантки? – догадалась я.

– Да, только с накачанными бицепсами. Держать-то добычу нелегко. А как семья Елисеевых? Говорят, парнишка умер не сам?

– А что, – огрызнулась я, – есть повод так думать?

– Слишком богатая семейка, чтобы быть спокойными за свою жизнь, – сказал он. – Кстати, вы были в елисеевском найт-клубе?

– Нет пока, – честно призналась я, – наверное, стоит сходить.

– Может быть. Только, когда пойдете, прихватите меня и Викиного Лешу. А то вдруг чего-нибудь выиграете. Очень там интересные люди трудятся... Вообще, Таня, вы будьте поосторожнее. Надеюсь, мне не надо вас просвещать, что за райская птица ваш хозяин?

Я вздрогнула. Он явно что-то знал про меня. Мое инкогнито могло разрушиться. Откуда? Неужели здесь есть кто-то, кто раньше меня видел? Впрочем, посмотрев на его безмятежное лицо, я подумала, что скоро начну шарaxаться от собственной тени. Да не знает он про меня ничего, просто Сечник действительно известная фигура и довольно одиозная личность. Я немного успокоилась.

– Ну, я не та особа, которую стоит опасаться, – весело из-

рекла я. – Тайны семьи мне неизвестны, убирать меня не за что...

Он посмотрел на меня очень внимательно и сказал без улыбки:

– Витеньку я бы не назвал угрозой обществу. Однако он плавал в ванне, незащищенный и нагой... Ладно, Танечка, я только хочу вас попросить быть осторожнее. И если вы будете в опасности, постарайтесь найти меня. Леша знает, как это сделать.

В этот миг лицо его опять стало безмятежно-глуповатым:

– А, вот идет царица моих ночей... Простите меня, ладно? Надеюсь, еще увидимся.

В дверях появилась дочка одного продюсера, долго пытавшаяся убедить публику в том, что она умеет петь. У нее ничего не вышло, правда, популярна она была, но скорее как клоун. Сейчас она стояла, капризно поджав губки и ревниво наблюдая, как ее вассал сидит рядом с какой-то-там-неизвестно-откуда-взявшейся, и довольно противным голосом вскричала:

– Александр! Мы идем на пляж или нет?

– Идем, моя радость, идем, – уныло ответил вассал и пошел к выходу. И тут случилась вторая странная вещь.

* * *

В это время в бар вошла Виктория. Они столкнулись с мо-

им собеседником в дверях, посмотрели друг на друга, быстро оба отвели глаза и дружно сделали вид, что не узнали друг друга. Виктория как-то вся выпрямилась и двинулась к моему столику, старательно не оборачиваясь. Александр прошел к выходу с неестественной целеустремленностью. Создалось впечатление, что им явно хотелось другого. Но по непонятным причинам они не могли позволить себе этого. Александр и Вика были не просто знакомы. Они были близко знакомы.

– Уф, – сказала Виктория, присаживаясь, – наконец-то я отвязалась от Ирочки. Ей-богу, выносить ее более получаса – сущее наказание. Вы не скучали без меня, Танечка?

– Нет, – покачала я головой, – мне не давал скучать вот тот молодой человек.

Может быть, это довольно подло с моей стороны, но я добилась результатов: в глазах Виктории вспыхнула на минуту ревность. А это значило одно – я была права.

Хотя лично мне это было жутко неприятно. Признаюсь.

Глава 3

День пролетел довольно быстро, а я знала совсем немного. От здешнего быта у меня уже начала кружиться голова. Самого Сечника я не видела – он, как мне объяснила Виктория, давал авторские концерты для губернатора и его свиты. Так что вряд ли он явится ранее завтрашнего дня. Вика выслушивала соболезнования, постоянно крутясь в водовороте, я пообщалась с корреспондентами, одна из них была та самая девица с перхотью, которая почему-то упорно намекала, что это было самоубийством, и я через полчаса устала ее разубеждать в обратном. Вечером намечался какой-то концерт, от посещения которого я отказалась, сославшись на жуткую головную боль. Голова у меня действительно болела, Виктория пила как лошадь и была печальна. Наконец мне удалось увести ее из бара в номер, и после десятиминутного лепетания, что она мне очень благодарна и не знает, что без меня бы делала, она наконец заснула. Я вышла в коридор. Тишина была неестественной. Тщетно понажимав кнопку лифта, я решила спуститься по лестнице. Конечно, перспектива не очень радовала, но стоять всю ночь возле лифта было еще менее привлекательным. Мне хотелось домой, в свою милую квартиру, где, спев «Хоум, свит хоум...» можно будет немного прийти в себя и попробовать разложить по полочкам все, что пока весьма разбросанно парило в моей

несчастной больной голове.

Я начала спускаться, и в этот момент погас свет. То ли меня преследовала неумолимая судьба, неизвестно отчего на меня взъевшаяся, то ли просто случайность, но я мужественно продолжила спуск, держа в качестве маяка собственный тихий и уютный дом.

Где-то между третьим и четвертым этажами я, к ужасу своему, почувствовала, что меня кто-то догоняет. Конечно, сказала я себе, приятного мало шастать по темным лестницам, но с чего ты взяла, моя дорогая, что это твоя личная лестница? Вполне возможно, что еще какому-то бедолаге приходится совершать тот же самый...

Додумать я не успела. На мою несчастную голову обрушился сильный удар...

* * *

Внутри меня все плыло. Жестоко бить по голове девушку, и так слегка перегрузившуюся «Кампари» и рассуждениями. Единственное, что оправдывало того, кто это совершил, – что он про это, возможно, не знал.

Глаза не открывались. Кто-то легко пошлепал меня по щеке. Я услышала голос Виктории:

– Что произошло?

С удивлением я обнаружила, что я не в логове бандитов. Вряд ли меня стукнула по голове Виктория. И какой ей был

резон? Разве что спать было страшно одной. Но тогда она могла просто попросить меня остаться... И тут я услышала голос, от которого я застонала... Потому что если это он стукнул меня по голове, как я теперь вообще смогу поверить хоть одному мужчине?!

– Свет погас. Пришлось спускаться по лестнице в темноте. Она лежала на ступеньках. Может быть, оступилась?

– Са-а-ша... – протянула Виктория, – ты прекрасно знаешь, что она не оступилась. Бедная девочка! Зачем только папа затянул ее в эту кошмарную историю!

Мне хотелось сообщить им, что я вовсе не бедная девочка. Если бы этот гад не напал сзади, еще неизвестно, кто бы упал с лестницы.

– Ну? И что будем делать?

– Прекрасно знаешь, что... Она останется здесь, а ты уйдешь, пока тебя никто не видел.

– А если ей нужен врач?

– Я вызову... Боже мой, Саша, если ты не уберешься отсюда немедленно, я подумаю, что ты ее специально огрел, чтобы иметь возможность пробраться ко мне в номер...

От этого предположения мне захотелось так разозлиться... Но на это у меня просто не было сил.

– Кстати, – спросила Вика, – ты никого не видел на лестнице?

– Никого, – ответил он. – Только электрик прошел. Я его спросил, в чем дело, он сказал, перегорели пробки... Все.

Так что даже предположить не могу, что с ней произошло...

Они помолчали, потом Виктория сказала:

– Мне не по себе. Чертов город. Чертов фестиваль. Чертово казино. Чертовы деньги.

– Я же тебе предлагал: все бросаем и уезжаем отсюда...

– Ага, – грустно усмехнулась Виктория, – через пять дней жить в нищете надоедает, ты идешь жиголо к какой-нибудь богатой идиотке, а я схожу с ума от ревности и безденежья...

– От чего больше? – лукаво поинтересовался Александр.

– Оставь меня в покое, ладно? По крайней мере пока я не выясню, кто хозяин казино...

Судя по наступившей тишине, они явно собирались поцеловаться. Из вредности я решила им помешать и усилием воли открыла глаза. Конечно, кайф я им здорово поломала. Они сразу засмутились, начали объяснять мне, что Александр меня подобрал на лестнице и принес сюда, после чего сам виновник поспешно ретировался, а Виктория как-то странно посмотрела ему вслед и сказала:

– Вам полегче, Таня?

Я кивнула. Теперь мне стало действительно полегче. Правда, кто же меня шарахнул по голове? И за что? Не элек-трик же? Поэтому я все-таки продолжала подозревать Алек-сандра. Бывают же преступники необыкновенно красивые и обаятельные...

Еще через полчаса мне совсем полегчало. От услуг врача я категорически отказалась, равно как и ночевать у Викто-

рии мне тоже не хотелось. Я поднялась, обнаружила, что голова кружиться абсолютно перестала, отчего мне вспомнилась поговорка, что клин клином вышибают, потому как потрясение от полученного удара выветрило из головы остатки «Кампари». Я была вполне транспортабельна. Кроме того, на этот раз мне повезло: лифт подъехал, и без приключений мне удалось выбраться за пределы гостиницы.

На улице царила глубокая ночь. Я довольно долго провалялась без сознания. Отругав себя, что приехала сюда без машины, я долго пыталась поймать такси, но ночью это не самое легкое дело. Через полчаса моих прыганий на остановке с вытянутой рукой подъехал заблудший троллейбус, и мне пришлось довольствоваться им, равно как и спящим соседом, – кроме нас в столь поздний час желающих покататься в троллейбусе не нашлось.

Когда я оказалась наконец-то дома, было уже три часа ночи. Ужасно хотелось спать, но я все-таки проверила автоответчик. Выяснила, что тетя ждала меня на пирог с клубникой, что Андрей дико извиняется за то, что втянул меня в эту авантюру и за ним – ящик «Туборга», и когда я уже решила выключить автоответчик, я услышала:

«Здравствуйте, Таня. Вас беспокоит Галя Елисеева. Очень нужно поговорить с вами. Пожалуйста, зайдите ко мне хотя бы на десять минут. Я живу рядом с „Прагой“, буду ждать вас без пятнадцати девять. Очень вас прошу! Кажется, я знаю, кто убил моего брата».

Вот так. Ни много ни мало. Судя по адресу, она жила на набережной, действительно рядом с «Прагой».

«Что ж, – подумала я. – Хотя в этом мне повезло». Я выяснила, что «Галька» – действительно сестра Елисеева. И она даже нашлась сама, что с ее стороны очень мило. И даже знает, кто убил Елисеева.

Поглядев в очередной раз на часы, я задумалась, стоит ли мне ложиться спать. На сон оставалось только три часа. Но организм решил за меня. Я сама не помню, как заснула. Проснулась я в половине восьмого.

За окном уже всюду сияло солнце, а из радиоприемника неслись рекламные приглашения на фестиваль «Волжское лето». Жизнь шла своим чередом. Мне надо было спешить. Я выпила кофе и убедилась, что сделала это зря. Видимо, вчерашние мои приключения не прошли бесследно. Меня слегка шатало. Я умылась холодной водой и побежала к Гале Елисеевой, дабы она изложила мне свою версию убийства.

* * *

Ровно без пятнадцати девять я стояла перед Галиной квартирой и пыталась вызвать к себе интерес сто сорок пятым нажатием звонка. Никакой реакции. Я даже попробовала невежливо поколотить в дверь ногой. То ли Галина не отличалась обязательностью, то ли охотилась за мной по темным лестницам и теперь отсыпается, но дверь она открывать

не собиралась. Я спустилась вниз, попробовала найти там кого-то из всегдашних агентов разведки в лице сидящих на лавках бабулек, но они еще не заняли своих наблюдательных пунктов. Я опять поднялась на этаж, потерроризировала звонок еще немного и уже собралась уходить, как вдруг открылась дверь соседней квартиры, и на пороге возникла приятная леди с хозяйственной сумкой, приветливо спросившая меня:

– Что, Галя еще не проснулась?

– Нет, – покачала я головой. – Может, она уже ушла?

– Да что вы, она бы ко мне забежала... Вы звоните понастойчивее, она дома должна быть...

Меня кольнуло нехорошее предчувствие:

– Она не могла уйти?

– Нет, – сказала женщина, – я же говорю, она всегда меня предупреждает. У меня же ее ключ лежит..

Я молчала. Мне все это не нравилось. Женщина тоже что-то забеспокоилась:

– Да не случилось ли чего? Может, она заболела?

– Как вы думаете, – спросила я, – можем мы воспользоваться ключом?

– Да, конечно, – кивнула женщина, – вдруг ей «Скорую» вызвать надо.

Она вернулась за ключом, открыла дверь, и мы вошли. Квартира была довольно скромная. Женщина несколько раз позвала: «Галя! Ты дома?» Ответа не было. Мы искали ее

езде в квартире. Раскиданные вещи говорили, что их хозяйка где-то здесь. Что-то подтолкнуло меня открыть дверь ванной. Слава богу, она была незаперта. Я услышала сзади голос: «Господи...» В ванне лежала обнаженная женщина лет двадцати восьми, в руке был зажат шприц, и, судя по температуре тела, лежала там уже давно. И никогда не поднимется.

– Пожалуйста, – попросила я соседку, – позвоните в «Скорую» и в милицию. Я не знаю, где здесь телефон.

Она кивнула и, тихо всхлипывая, ушла. У меня было немного времени, чтобы быстро поднять с пола то, что я узнала сразу. Браслет. Именно этот браслет я видела вчера на Виктории Елисейевой.

«Ну, ты и вляпалась, Танюша», – подумала я, глядя на безжизненное тело молодой женщины. Волосы ее были неестественно живыми, я даже поймала себя на желании дотронуться до этого белокурого сияния. Наверное, при жизни Галина была очень даже симпатичной девочкой. Впрочем, теперь это не имело значения. Теперь Галине было наплевать на собственную внешность. Даже вскочивший возле верхней губы прыщик ее не беспокоил. Странно, но он меня окончательно добил.

Я почувствовала, что, если срочно не выпью воды, меня вырвет. Одно дело – расследовать убийство виденного мной только на экране господина Елисева. Елисейев вообще был абстракцией, всего лишь поводом найти обидевшего Сечника плохого человека, вздумавшего лишить его казино.

Галина же была здесь. В ванне. И ее хотелось встряхнуть, схватить за руку, включить на всю мощность телевизор – сделать все, чтобы она проснулась. Только глубоко внутри я знала, что она не встанет.

Я была зачарована видом смерти.

Всхлипывания соседки вывели меня из состояния глубокой задумчивости.

Я закрыла Галине глаза. Ее взгляд, с бессмысленной простотой смотрящий в потолок, пугал.

Странно. В ее лице отсутствовал страх. Как будто она или не боялась, или... не успела испугаться.

А это могло быть только, если она знала убийцу и доверяла ему. Или она просто не успела его увидеть...

И почему здесь был этот браслет? Я нащупала его в кармане.

Какое отношение имела его владелица к происходящему в этом доме? Для того чтобы справиться с Галиной, надо было быть сильным человеком. Судя по хорошо развитой мускулатуре, девочка проводила много времени в шейпинг-залах.

Виктория же производила впечатление хрупкой. Хотя – кто знает?

* * *

Мы дожидались милиции. Впрочем, я делала это с неохотой. Но уехать – означало вызвать подозрения к собственной

персоне. Это меня немного развеселило. Подпасть под подозрения в убийстве – чем не достойное завершение моих походов?

Они и так мне перестали нравиться. Мне обещали, что это будет только дело о Елисееве.

* * *

Ждать милицию в обществе мертвой Галины – вряд ли это входило в мои обязанности пресс-секретаря. И почему у нас так долго приходится ждать милицию, «Скорую помощь» и пожарную команду?

В свободное время можно было развить эту мысль.

Я уже почти решила отказаться от Сечниковой материальной помощи и ругала себя за то, что не уехала вовремя в свой Адымчар.

В это самое время и явилась милиция.

Мне совершенно не хотелось встречаться с представителями закона. Во-первых, у них мог возникнуть вполне резонный вопрос, что я, Татьяна Иванова, делаю здесь, в квартире умершей, со своей лицензией, которая действовала на многих как красная тряпка на быка. Во-вторых, терять драгоценное время тоже не хотелось. Приехал молоденький следователь, новенький до блеска, с ним мне повезло. Он отнесся ко мне с симпатией, в отличие от опера, который сурово смотрел на меня подозрительным взглядом крошечных

глазок, выглядывающих из-под кустистых бровей, и сердито сопел. Вид у него был преувеличенно неподкупный, я со своей стройной фигурой и европейской внешностью не вписывалась в его представления об идеальной женщине. Оба они меня, слава богу, не знали, и моя легенда о том, что я – пресс-секретарь Виктории Елисейевой и пришла, дабы забрать у Галины книгу, которую Виктория давала ей почитать (сама я ни за что не поверила бы такой глупости и проверила бы подозрительного пресс-секретаря), была встречена с подкупающей доверчивостью, добрейшая соседка тоже помогла мне неожиданно, сообщив, что Галечка действительно предупреждала, что должна прийти женщина от Виктории Игоревны. Опер, с грустью расставшись со своими подозрениями, сообщил, что «при надобности, гражданка Иванова, мы вас обеспокоим...», после чего гражданка Иванова покинула пределы квартиры в момент, когда оба склонялись к совершенно неправильной версии «несчастливого случая». Надо было спешить – время работало против меня. Через пятнадцать минут я влетела в холл «Праги», где уже всю нервничал господин Сечник. Увидев меня, он сменил недовольное выражение лица на приветливую улыбку и раскрыл руки для дружеского объятия, от которого мне страшно захотелось уклониться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.